

нужно». Но если я сижу за столом, в интимной обстановке и как «вот женщине скажу: «Гражданка, не хотите ли салату» или «Тоня, риш, не хотите ли...» Это немножко официально и слишком торжественно для такой обстановки. Этим обедняется само слово, значение самого слова «товарищ». И во всех странах наряду с официальным обращением «камрад», «камарад», есть какие-то еще более интимные обращения: «синьор», «синьорина», «мадам», «месье», «пан», «пани» в наших демократических странах и т. д. И вот я написал в статье: поищем слово, потому что пустоты не может быть. Мы заменяем, заполняем эту пустоту уродливыми тоже всякими вещами, например, «девушка». Мы всех называем «девушками» независимо от возраста. Продавщице говорим: девушка. Она обобщается.

Реплика: А она бабушка.

Солоухин: А она бабушка, ей 50 лет. «Мамаша», «папаша», такая фамильярность совершенно непонятная. Или там «шляпка», «борода».

Реплика: «Начальник».

Реплика: Или просто «начальник», или просто: «эй», даже «мне понимаете?»

Солоухин: Я вот поставил вопрос так: давайте поищем слово.

Конечно, я предложил, я лично не навязываю, вот как вы будете предлагать, и я предложу. Я предложил вернуться к старинному русскому слову «сударья» и «сударь». Получил я огромное количество писем. Огромное количество писем. Там, конечно, были всякие предложения. Например, давайте будем называть «дружба» всех. (Смех.)

Было предложение, давайте будем называть всех «лада». Давайте всех будем называть «советин», «советина». Было такое предложение. Ну, «уважаемый» там предлагалось.

Потом иностранные вести обращения: «мадам» или еще что-то, я не помню, всякие смешные, но и более или менее деловые предложения были. Но процент был такой, что из 4 писем три были за мое предложение...

Реплика: «Сударь» и «сударья»?

Солоухин: За «сударя» и «сударьяню». Одно было против. Из четырех четырех. Значит, 3 : 4, ну, правда, были такие, против, ну, например, один человек написал, что если меня назовут «сударем» на улице, я возьму палку, ударю этого человека и не буду отвечать. (Смех.)

На чем основывались аргументы против этого слова? Основным аргумент был таков, что в слове «сударь» и «сударья» слышится «сударь» и «сударьяня». Это их пугало. Ну как же «сударь», ми

боролись, революция была, и вдруг снова «сударь». Тогда я и написал в ответной статье, что тогда давайте откажемся от слова «сударство»: государственный университет, государственная пенсия, государственный экзамен, где тоже звучит «сударь». Мы все этого не боимся. Ну вот.

Успенский: И даже Госконтроль — и тот государственный.

Солоухин: Правильно. И потом не надо бояться, ведь действительно человек привыкает... Мы не могли себе представить таких слов, как «офицер», «погоны», «генерал», «министр». Но сейчас совершенно спокойно этими словами оперируем. И все в порядке. И даже очень часто, все чаще появляется словосочетание «советский парламент». Полуофициально, но все-таки появляется. Вот я и поставил в свое время вопрос. Я, конечно, не думал, что сейчас сразу все и начнут говорить «сударь» и «сударья», но мне хотелось бы возбудить к этому интерес. Если вы найдете лучше что-нибудь, пожалуйста. Давайте поищем все вместе. Новое слово нужно. Слово нужно. В этом нет никаких сомнений. Мы не можем больше быть «девочками», «эй», «бородами» и так далее. (Смех.)

Мне рассказывала одна читательница: «Да. Правильно, я слушала, как на чехословацкой фабрике директор сказал уборщице: «Пани, уберите тряпку с прохода». С достоинством. У нас бы сказали: «Нюрка, ну-ка убери». Понимаете, как вещь».

Конечно, надо, чтобы прежде слова был жест... сударья, ну-ка подвинь авоську. А если говорить: «сударьяня» — это значит, что внутри у меня какой-то должен быть жест сначала.

(Переговоры.)

Так давайте мы будем вежливы внутренне, вежливы, обходительны. И тогда, может быть, и слово «сударьяня» нам легче будет друг другу произносить. Ну это, так сказать, две частности о нашем языке.

Вахтин: Владимир Александрович, сударь, вы знаете, что я полностью с вами согласен, только мне кажется, что это две разные стороны вопроса. Конечно, то, что засорили нас сокращениями, — это очень плохо. Но то, что издали словарь этих сокращений, — это прекрасно.

Солоухин: Ну пусть, может быть.

Вахтин: Вы понимаете, мы настолько плохо знаем еще язык и то, что у нас на самом деле есть, ведь словарь-то пристойного нет живого языка русского. Уж пусть будет словарь. Может быть, издать его небольшим тиражом, но пусть будет.

(Переговоры.)

Волков: Словарь такой: «Старые названия» и «Новые названия». Вот отдельные словари. Было бы очень важно.

Бушин: Это я вам тоже и хочу сказать — о старых названиях и о новых названиях. Я хочу продолжить некоторые мысли ваши, Дмитрия Сергеевича, и твои, Володя. Тот конкретный пример обеднения нашего языка, который ты привел, он, к сожалению, отнюдь не единичен. Обеднение нашего языка происходит и из-за того, что на протяжении вот уже многих десятилетий с большим рвением и кореняются старинные, колоритные, поэтические названия городов и улиц. Делается это бесхозяйственно, безответственно, а главное без всякой на то нужды. Мне довелось в конце октября прошлого года в «Литературной газете» опубликовать статью «Кому мешал Теплый переулочек». Статья вызвала многочисленные и весьма занятные отклики читателей.

Я позволю себе выдержки из некоторых писем здесь процитировать. Товарищ Куприяновский из Иванова пишет: «Чехарда с переименованиями — это не игра и не безвинное занятие. Нередко это проявление нигилизма и равнодушия к прошлому, к историческому сложившемуся укладу жизни. Это эгоистическое самоуверженное современников, которым нет дела ни до пращуров, ни до своих потомков».

Ленинградский инженер Добросердов пишет: «Родину, родную землю, стремятся выжить у меня из-под ног необдуманными переименованиями. Задумываются ли люди, заменяющие устаревшие, по их мнению, названия новыми, о том, что наступит время, когда эти новые названия тоже станут старыми. И если следовать подобному правилу, они тоже будут переименованы. Что же, после таких бесчисленных переименований останутся исторического?»

Профессор, доктор технических наук ленинградец Синевский пишет: «Только тем, что у мудрости есть пределы, а противоположность ее безгранична, можно объяснить переименование таких городов, как Тверь, Вятка, Пермь, Нижний Новгород, Самара, — городов, стоявших у истоков русской истории».

Старый большевик Трофимов, тоже ленинградец (здесь писем я старался, чтобы ленинградцы были), пишет: «Это переименование городов напоминает их раздачу. Помните, в исторической книге «Ой и делалось в орде...»:

Сидит там царь, Озвят Таврунович,
Царь дарил городами стольными,
Василья — на Плессу,
Гордея — в Вологде,
Охромея — в Костроме».

Но и он, добавляет товарищ Трофимов, отдавая эти города на прокорм, не калечил их имен.

Кандидат наук ленинградец Каттархельд: «Разве можно оправдать такое неуважительное отношение к русской истории, к ее памятникам, с примерами которого во все возрастающем количестве приходится сталкиваться, например, и ленинградцам. Чем можно оправдать предпринятые административными органами переименования в последние двадцать лет многих исторических, всемирно известных ленинградских пригородов, улиц, проведенные к тому же без участия широкой, в частности научной, общественности? Кто теперь ответит нам за варварское уничтожение в Москве Сухарева башни или Храма Христа-Спасителя, который строился 42 года на народные деньги, был изукрашен известными художниками и посвящен был благороднейшей цели — победе над наполеоновским нашествием. Кто ответит нам за разрушения целого ряда неповторимых по своему облику старинных русских соборов и церквей в городах Поволжья и других вдохновенных деяний русского человека, стертых с лица земли не рукою русского неприятеля, не ходом неумолимо бегущего времени, а рукою ретивых и, увы, безликих администраторов?»

Читатели приводят живые и, так сказать, конкретные примеры этой административной ретивости. Вот старый писатель Перегудов сообщает, что была под Москвой станция Обираловка. И она не шокировала даже такого эстетически тонкого человека, как Толстой. Он бы мог избрать местом для своей «Анны Карениной» какое-нибудь более благозвучное, так сказать, место. Но Анна Каренина погибает на железнодорожной станции Обираловке. Так вот теперь железнодорожную станцию Обираловка назвали Железнодорожная. Это, так сказать, административный восторг в его число, ничем не замутненным виде.

Или, например, там же, недалеко от Обираловки, пишет товарищ Перегудов, была станция Кудиново. Хорошее, простое русское слово Кудиново. Так ее называли, не поверите, ее называли Электроули. Это же издевательство просто над русским языком и над людьми, которые там живут. Ну, как это: я живу в Электроулях?

Да, ленинградец тоже, доктор физико-математических наук Бабич рассказывает, что вот в Пскове был мост. По легенде, будто бы в том месте когда-то встретились Ольга и Игорь, и вот, по этой легенде, был там построен, в соответствии с легендой, мост, который назывался Ольгин мост.

И вот в некий час псковский, значит, администратор оглядел своим недреманным оком всю нашу страну и увидел, что на всю Россию Ольгин мост один. И он, конечно, перепугался. Он прежде всего живет под девизом: «Вперед не суйся и сзади не отставай». Для него неприемлемо все, что выходит за рамки привычного. Ну, и Ольгин мост называли мостом Красной Армии.

Но на этом не успокоились. Когда Красную Армию стали называть Советской Армией, мост соответственно назвали мостом Советской Армии, таким образом скрыв его первоначальное имя под двойным напластованием.

Доцент Винницкого педагогического института товарищ Попов пишет: «Мне, как языковеду, особенно хочется подчеркнуть, что новые названия почти всегда хуже старых в чисто языковом отношении. Исконные названия восходят к глубокой древности. Они вживались в язык, вступали в словосочетания, обрастали производными от них словами, и их отмена не проходит безболезненно для языка, потому что такое искусственное вмешательство задевает целые гнезда слов, рвет живые языковые связи».

Профессор одного из московских институтов товарищ Лавров пишет: «Как хорошо бы начать кампанию за восстановление исторических красочных названий».

«Это подвигивало бы отрезвляюще на любителей переименований», — подхватывает его мысль его коллега, доктор технических наук профессор Колосов.

Москвичка Морозова пишет: «Самару, Нижний Новгород, Тверь, Вятку, Сталинград мы должны иметь. В Москве должны быть площади Театральная, Кудринская, Калужская. Должны быть улицы Тверская, Поварская, Моховая, Остоженка, Пречистенка».

Ироническая реплика: Это какие-то отсталые люди, старого закона — или легкомысленные.

Реплика: Пенсионного возраста.

Бушин: Да, но вот передо мной еще одно письмо. Его заключительные строки таковы: «Считая, что прежнее название нашего рода ничем не опорочено, а, наоборот, вошло в историю как принадлежавшее городу с большим революционным прошлым, мы, старые коммунисты-самарцы, выступаем за то, чтобы вернуть нашему городу его прежнее имя Самара».

И под этим письмом 33 подписи старых коммунистов, в основном это члены партии с 17-20-х годов, а есть даже среди них члены партии 1904 года, и есть среди них член партии с 20-го года, Герой Советского Союза Конев.

И мимо таких писем, мимо таких людей пройти спокойно и равнодушно нельзя. Причем, скажем, вот товарищи самарцы говорят что от этого память Куйбышева вовсе не должна пострадать, они глубоко чтят память Куйбышева, многие с ним работали. Но есть иные средства, есть иные способы для того, чтобы почтить память выдающегося деятеля. И не обязательно переименовывать города, иначе, как пишут многие, настанет такое время, когда на обширных, но, однако же, имеющих предел просторах нашего Оне

чества попросту не останется не переименованных городов, а люди, увы, будут по-прежнему умирать. И что же тогда начнется? Начнется новая волна переименований.

Успенский: Второй круг.

Бушин: Все это происходит — переименование и наименование городов — без обсуждения, без участия широкой общественности. Когда-то было не совсем так. Например, когда переименовывали Новониколаевск в Новосибирск, то этому предшествовала целый год длившаяся дискуссия на страницах газеты «Советская Сибирь». И наконец дали великолепное имя городу — Новосибирск, которое прижилось и так с тех пор всем известно.

Но все-таки кое-что в этом направлении делается.

И сейчас строится город под Москвой, под Серпуховом, — газета «Московская правда» объявила конкурс на лучшее название этому городу. Сама по себе идея вроде бы неплоха, только мне бы казалось, что нужно не конкурс проводить, а просто обсуждение деловое. Ну вот подумайте, какие, так сказать, колоритные, какие своеобразные имена преобладают в этих предложениях: Крылатогорск, Лучезарный, Прогрессград, Славтруд, Светлогорск, Романтика, Радость, Весноград, Счастливы, Мечта.

Нечему удивляться, что такие предложены слашавые...

Реплика: И безвкусные.

Бушин: И безвкусные, да, названия. Я думаю, что нечему удивляться, потому что, ну что же вот, возьмите, скажем, поэт Евгений Долматовский с сожалением писал на страницах «Литературной газеты», что нет в Москве улицы «Радости», улицы «Счастливой», улицы «Юности». Я думаю, что слава богу, что нет таких названий. *(Переговоры.)*

Бушин: Потому что их именно сейчас хоть пруд пруди, везде и всюду. Или вот еще взять пример. Есть такой, значит, кандидат философских наук, эстетик, ленинградец товарищ Харчев. Ему не нравятся, скажем, такие города, как Подлесное, Заречье, Луговая. В деревнях Тамбовской области они носили действительно какие-то ужасные названия и им дали вот такие имена. Ему это решительно не нравится. Он говорит: нравственное воздействие таких названий ничтожно. Что они могут сказать уму и сердцу людей? Ему не нравятся такие названия, как Междуреченск. Я думаю, что это достойное, простое, скромное имя.

Реплика: Если город стоит между речек...

Бушин: Да, если он не между гор стоит, а между рек, то название вполне подходит. А ему это не нравится. Что же он предлагает? Он предлагает такие давать названия: Трудославль, Вешнеград, Надежда, Разум. Представляете, Разум! Город Разум! Ведь его...

Успенский: У нас Разум такая дыра...

(Переговоры.)

Бушин: Вы меня простите, товарищ Харчев, но, скажем, могут найтись люди, которым его фамилия тоже покажется не очень эстетичной, но ведь ему же никто не предлагает, и он, очевидно, не согласится сменить свое имя и взять, скажем, фамилию Разумный. Поэтому... поэтому, конечно, не приходится удивляться, что... если, так сказать, эстетики такие предлагают имена, то с простых людей что же, как говорится, и спрос совсем не тот.

С особым тщанием уничтожаются названия, имеющие, так сказать, религиозное происхождение. В Москве комиссию по переименованиям возглавляет секретарь исполкома Моссовета товарищ Пегов. Он печатно провозгласил намерения этой комиссии: исторический район Петов так боится всего лишь словесного напоминания о церкви Пегов, что боится все улицы, напоминающие о церквях. Но если товарищ Пегов так боится всего лишь словесного напоминания о церквях, то ему, если он хочет быть последовательным, надо бы прежде завершить уничтожение в Москве самих церквей — Кремлевский собор, Василия Блаженного, Ново-Девичье монастыря, Андреевский собор. Потом ему следовало бы добиться принятия закона об обязательной смене фамилий религиозного происхождения, и тогда с такими фамилиями несравненно больше, чем улиц с аналогичными названиями. Один Олег Попов чего стоит. Его имя...

Солоухин: Вознесенский.

Бушин: Вот я и хочу сказать. Его имя на устах у миллионов, имени Олега Попова. Под действие этого закона попали бы, помимо Олега Попова, скажем, поэт Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский и ваш ленинградский поэт Рождественский. Попал бы под действие этого закона кинорежиссер Михаил Богин, попал бы под действие этого закона и присутствующий здесь писатель Успенский, ибо фамилия Успенский — тоже религиозного происхождения.

Только после принятия этого закона, и не раньше, есть смысл принимать за улицы и переулки. Только после этого.

Успенский: Так, ну что ж, меня [опередил] мой сосед и соратник по топонимическим вопросам. Должен сказать, что он только предпологал, что, может быть, вот товарищ Пегов когда-то придет к этой мысли. Месяца три-четыре тому назад мне пришлось написать в журнале «Наука и религия» статью на тему: можно или нельзя современным писателям в своих произведениях или поэтам упоминать некоторые слова, скажем, божество, божественный, ей-богу, слава богу, бже сохрани и тому подобное. Хотели бы даже замечать, скажем, у Пушкина, или Некрасова, или у Тютчева такие слова, если они там попадают, и тем более предлагается действие только всем нам, носящим почтенные интеллигентские фамилии

Рождественский, Вознесенский, Преображенский, Троицкий, Успенский, которые давным-давно перестали быть религиозными и стали типично интеллигентскими фамилиями, разночинскими фамилиями, предлагается всерьез их заменить.

По этому поводу я написал статью и говорить не буду. Я сказал, что мне хотелось, о мыслительных способностях людей, которые так думают. Я не видел сам, но мне говорили, что они на страницах того же журнала выступили и меня весьма осуждали за нежелание мою фамилию заменить на какую-нибудь более такую благозвучную, по-видимому... Сказано: это было бы то же самое, что Успенский, но это было бы куда благозвучней.

Ну, имена и фамилии людей — это дело маловажное. А вот все-таки то, что нас с вами ближе всего трогает и волнует топонимику, название мест, — это дело гораздо более существенное, и поэтому я, когда сейчас думаю о культуре русского языка, потому что я пишу, вернее писал, книгу на эту тему, я думал прежде всего о том, что делается в области уничтожения и невыявления потери огромного количества древнерусских имен. В 20-х годах, в середине 20-х годов, один исследователь установил, что в Московской области свыше 1300 урочищ, речек не имеют никакого названия. Что значит не имеют, то есть так они никогда и не имели? Нет, они, конечно, имели, и их знала какая-то очень небольшая группа людей, живших на берегу этих малых речек и ручьев. Но они утрачены. Они нигде не зафиксированы, никто их не записал, и теперь их не узнать. К нынешнему времени количество этих речек возросло на много. Забывают эти старые названия, им дают новые. А кто-то такой пришел, поселился на этой реке и... новое название. А ведь старое название они могли сохранить. Сохранить чрезвычайно ценные для нас и, может быть, нигде, ни в каких других источниках не зафиксированные данные. Ведь хорошо, что мы знаем, что город Льгов, — это Олегов-град, вот того самого Олега Гориславовича. Город, о котором мы говорили тут до начала нашей передачи, — Брянск, мы можем восстановить, что это Дебрянск, это город, окруженный дебрями, лесными дебрями... а сколько таких мест, которые забыты и которые свидетельствовали о каких-нибудь стычках на московских рубежах с татарами, может быть, какой-нибудь Татарский ручей, какой-нибудь Татарский брод. Вот, пожалуйста, ну что-нибудь там на костях какое-нибудь стояние.

Только таким образом французы, встретив название Сюсак в Нормандии, которое напоминает имена поместий галло-римской эпохи (после, правда, некоторых усилий убедить в этом археологов, об этом свидетельствует Доза — крупнейший топонимист французский), сделали там раскопки и обнаружили действительно виллу

галло-римской эпохи, от которой на поверхности осталось только одно имя Сюсак. И мы могли бы тоже также делать.

А мы теряем эти имена. Но я думаю, что не все потеряно, можно еще кое-что сделать. Вот то, о чем вы сейчас говорите, — очень нелепо произведен этот конкурс. Он все-таки показывает, что есть какое-то желание прекратить такое уж совершенно самопроизвольно волонтеристское, как теперь принято говорить, переименование.

Мне хочется сейчас рассказать — я оптимист по натуре, и мне приятно говорить о таких вещах, которые несут что-то светлое в этой области, а то ваши эти письма — они уж очень, так сказать, мороз по коже пускали. А мне хочется рассказать вот такую историю.

Примерно полтора года назад в «Литературной газете» я прочел статью Марии Белкиной, фельетон такой, очерк о том, как она дважды попала в одно и то же место в Сибири, на новостройку, расположенную как раз на границе между Кемеровской областью и Красноярским краем, которая носит название Кия-Шалтырь.

Очень живой очерк начинался с того, что она приехала в Кия-Шалтырь дважды: «Один раз в 1960 году, тогда можно было долететь только самолетом, но мне запомнилась тайга, избушки-розвалы, река такая глухая, таежная, а второй раз я приехала туда уже в 1963 году по шоссе, которое само под колеса автобуса стелется, и все оказалось по-новому. Уже избушек-розвалов нет, стоит прекрасный по тем местам город, двухэтажные, трехэтажные дома, гостиница, парикмахерская. И только когда я вылезла из автобуса, мои ноги охватила та же самая грязь, про которую мне еще тогда говорили так образно, что эта грязь — сирийская глина крепости два-три. Я говорю — это Кия-Шалтырь, а мне рассказали, что приехала комиссия из Кемеровской области и переименовала из Кия-Шалтырь в Белогорск».

Ну, писательница пошла водить читателя по этому растущему, свежему, как только что снесенное яичко, городу. Меня заинтересовало, а почему, собственно, переименовали. Ну, довольно понятно, что нерусское название, а что значит — неизвестно.

И ведь все действительно не так просто. Пока был таежный поселок и назывался Кия-Шалтырь — никому до него дела не было. В Академии наук знают, что там нефелины, и во всех книгах он будет как Кия-Шалтырь, а что это значит? Ведь действительно не все названия хороши. Например... (*неразборчиво*), а на каком-то языке это значит «пошел ты к черту». Конфуз получается. Тут вот можно разные варианты. Надо было выяснить, что такое Кия-Шалтырь, а проще просто переименовать. Рядом Белая гора

Ну, пускай будет Белогорск; шут с ним, что в Крыму уже есть Белогорск, что в Казахстане уже есть Белогорск, что тут же, в соседней области, есть Белогорск. Белогорсков прорва, но зато спокойно, тихо и мирно.

Но не так-то просто было выяснить, что такое Кия-Шалтырь. У нас нет топонимического словаря.

А вот такой словарь очень был бы нужен. Известно, я не могу сказать, что значит Кия-Шалтырь. И я испытал муки ада. Я обращался ко всем, ну, думал, очевидно, здесь тюркские какие-то элементы должны быть, в этой части Сибири. Ко всем тюркологам Ленинграда обращался. Люди осторожные, ученые, они говорили, мы ничего не знаем, мы не топонимисты, обратитесь к тому-то и тому-то. До Кононова включительно. Это верховный в Ленинграде тюрколог, который тоже сказал, что он не может это разъяснить.

Меня направили наконец в Томск, где сидит Андрей Петрович Дульзон, и вот-то, он мне и дал эту самую нить. И я хочу прочесть его письмо: «Название населенного пункта Кия-Шалтырь образовано, вероятно, от названия речки Кийский Шалтырь, правый приток реки Кия, протекающий вблизи от населенного пункта; вторая часть этого названия Шалтырь — тюркского происхождения. Происходит от наречия хакасского языка, имеющего значение «блеск», «блестеть» (по-хакасски «салтырь»).

Название реки Кия вошло в русский язык тоже из тюркского, а именно из чулымско-тюркского языка, где оно употреблялось в форме *кысу* и *кы*, просто чаще всего *кы*, русские заменили непривычный звук *ы* после *к* — [на] *и*, добавили окончание *я*, подводя, таким образом, название реки под название русских рек женского рода. Называется река Блеска — для реки, на которой стоит нефелиновый завод, для производства алюминия, по-моему, прекрасное название».

И если бы это можно было выяснить, то и надо было бы его оставить. Мало того, ведь что выясняется — выясняется, что три народа дали это имя. И чулымцы, их даже четыре народа, чулымцы, хакасцы...

Вахтин: Лев Васильевич, это прекрасная иллюстрация, потому что все это глубоко в древность уходит.

Волков: Лев Васильевич, я вам загадку небольшую задам. Я встретил недавно Шелдомежский фельдшерский пункт. Вот откуда это произошло — Шелдомежский? Оказывается, это продержалось более 600 лет. Шел до межи татарин, и на этом месте, значит, где его остановили, построили монастырь. Названия монастыря нет, а вот название, рассказывающее о 600-летнем подвиге, осталось.

Реплика: Сохранилось.

(Переговоры.)

Успенский: А ведь, кроме того, выясняется, что селькупы здесь еще вмешались, это селькупское по происхождению, значит, какие гроздь культурных влияний, и культурных влияний самых первых точников, к которому мы должны иметь глубокое братское почтение. И вот одним ударом все это упрощается. Но это не так все печально, как есть. Все-таки есть проблеск на этом фронте. Я написывал об этом в нескольких газетах, и вот в результате в редакцию газеты «Советская культура», в отдел писем, [пришел ответ]: «Наш номер 61...»

Реплика: Переименовали?

Успенский: Нет. «...Кемеровский облисполком полностью разделяет мнение писателя Льва Успенского о бережном отношении к названиям населенных пунктов, улиц и площадей наших, городов и рабочих поселков, изложенных в статье "А как с красотой?" Урочища ведь меньше подвергаются этим искажениям. Облисполком наметил провести по этому вопросу соответствующую работу с исполкомами городских, районных и поселковых советов депутатов трудящихся, так как некоторыми исполкомами (я ссй час кончаю), некоторыми исполкомами допускаются отмеченные в статье недостатки. С критикой под наименованием поселка (так в документе. — Б.Ф.) Белогорского облисполком полностью согласен». Но, справедливости ради, должен сообщить, что Кия Шалтырский поселок и рудник строился на территории Кемеровской области, но Красноярским краем, и название поселку дано Красноярским краем. (Смех.) Вот я пользуюсь случаем выступления по телевидению, чтобы призвать Красноярский исполком пошевельнуться в этом отношении и вернуть Кия-Шалтырю его старое доброе название.

Иванов: Я после таких печальных разговоров о том, как теряются старые названия, как старая традиция обрывается, хочу еще раз сказать о том, как много из старой традиции сохраняется, и прежде всего сохраняется в поэтическом слове. Наши большие поэты часто обращали внимание на то, как поразительно стоек народный язык и язык народных песен; я хочу привести одно из последних свидетельств. У меня хранится письмо Бориса Пастернака, которое я от него получил десять лет назад. Я хочу его просто показать и прочитать из него отрывок, который касается записи русских песен, сделанной Ричардом Джемсом. Борис Леонидович мне писал: «Самым интересным и тетрадах [это английское издание — «Оксфордские славяноведческие исследования»] были для меня сведениями о первой лексикографической описи русских речевых богатств в конце XVI века.

Эта попытка Джемса составить русско-англ[ийский] словарь, равно, как и обстоятельство его записи песен и разговорной речи на пороге смутного времени поразительны! Сверхъестественной кажется эта возможность проникнуть в отдаленную тремя с лишним столетиями жизнь, как бы еще текущую, на всем ее ходу и во всем разгаре, ошеломляющую, как нескромное подглядывание! И как мало изменился язык за столько времени! Видимо, только ссорящиеся бояре каждое десятилетие изобретают новые формы сакральной витиеватости, а ими управляемые веками выражаются приблизительно одинаково».

Я хочу как иллюстрацию привести хотя бы начало одной из этих песен, записанных Джемсом. Подумайте, как это по-современному звучит: «Бережок забылся, а песочек сыплется, а ледочек ломится, добры кони тонут, молодцы томятся...»

Давид Самойлов эту песню вставил в свою пьесу, недавно написанную. И я думаю, многие читатели поражаются, какая современная внутренняя рифма: молодцы — ломится... Как это хорошо придумал Самойлов. И действительно, это укладывается в нашу большую новую поэзию. Большой писатель наш — это, как артезианский колодец, который уходит в такую толщу народной речи, которая действительно веками не меняется. И речь, которая объемлет и богатство нашего языка, и богатство других языков, сообщавшихся с нашим, как когда-то Достоевский в речи о Пушкине говорил о таком всеобъемлющем характере нашей культуры, то же верно и в отношении нашего языка. И, как писал Мандельштам, «Слаще пенья итальянской речи / Для меня родной язык, / Ибо в нем таинственно лепечет / Чужеземных арф родник».

Емельянов: Ну, мне хотелось бы кое-что сказать в связи с последними словами Вячеслава Всеволодовича. Он привел в свидетели Пастернака, а мне бы хотелось привести имя совсем другого русского крупного писателя, Бунина, который, говоря в 1927 году, вспоминая, вернее, дворовых людей... Он говорил о том, как удивительно, удивительно много старинных слов сохранил живой русский язык. Вот он писал (*читает неразборчиво*).

Мне хотелось бы поговорить об одном из источников. И в основном это сводится к тому, что, поскольку советская литература — самая, так сказать, народная в мире, самая по своему существу народная, в ней не может быть разделения писателей на народных и ненародных. Мы народные постольку, поскольку мы советские писатели. Это такое представление довольно устойчивое. Но на первый взгляд, конечно, сторонники такого утверждения, сторонники такого убеждения как будто бы вроде бы правы. Действительно, если говорить в отношении проблемы языка, то язык создается

всем народом, действительно. Не только крестьяне принимают участие в создании, развитии, обогащении языка. Ну и рабочие, интеллигенция, городской люд. Так испокон веков было. Но все-таки так, приглядевшись поближе к этим процессам развития и обогащения языка, все-таки можно сказать, что отнюдь не все слои и в равной мере принимают участие в этом процессе. В городе, как это было истари, язык города, он, так сказать, открыт всем ветрам. В языке города масса всяких влияний скрещивается. Тут, и радио, и телевидение, и газета. И вообще традиция городского языка такая, что все культурные процессы, языковые процессы протекают как бы ускоренно, форсированно. И это, конечно, откладывает глубокий отпечаток и на язык.

Какие можно заметить черты в этом языке? Это прежде всего расширение, конечно, круга понятий. Язык города — это такой многопонятийный язык, очень многопонятный всяким. Но вместе с тем резкое сужение числа синонимов. А, как известно, все-таки богатство, синонимическое богатство — это один из показателей богатства языка вообще.

Вахтин: Леонард Иванович, а вот вы ведь много ездили, правда? И много записывали...

Емельянов: Хочу об этом и сказать. Анализируя неравномерно, так сказать, заслуг города и деревни в развитии языка, чувствуешь, что все-таки основной цитаделью национального русского языка продолжает оставаться русская деревня. Я по роду своей работы довольно часто езжу в экспедиции. И правда, вот самым таким, одним из самых, во всяком случае, ярких впечатлений в этих экспедициях, у меня, а я думаю, что и у всех моих товарищей, является впечатление от родного языка, от живой на родной речи. И я сейчас не говорю уже о том, как этот язык проявляется в песнях, в сказках, в былинах и так далее, а о том, как этот язык проявляется в живой повседневной речи, о том, как говорят люди. И мне очень понравилась мысль, высказанная Дмитрием Сергеевичем, о том, что язык связан так или иначе с культурой. Это общая закономерность... (*неразборчиво*) бывает такого, что человек, много знающий произведений всяких, наиболее талантливый исполнитель — он является в то же время и наиболее талантливым носителем языковой традиции.

Лихачев: И народной культуры.

Емельянов: И народной языковой культуры. В связи с этим вспоминается одна женщина, ее зовут Мария Федоровна Деятова, из Чайковского района Пермской области. Я был там в 1963 году. И вот встретила мне одна такая старушка. Она знала потрясающее ко

личество песен. От нее мы записали что-то порядка 200 песен, причем отличного качества.

Вахтин: Скажите, пожалуйста, вот эти песни, вы их записываете? Они хранятся в Пушкинском доме? Вы же их не печатаете, вы же очень мало печатаете. Это же сплошь и рядом можно только дискредитировать фольклор, а не наоборот.

Емельянов: Нет, почему, я бы этого не сказал. То, что напечатано, это серия памятников русского фольклора.

(*Переговоры.*)

Вахтин: ...Нет, то, что вы подлинно записали с магнитофона, так, как есть.

Емельянов: Да, да.

Вахтин: Сейчас ведь, кроме записей таких словесных произведений, есть запись музыкальных произведений...

Волков: Конечно, есть язык словесный, но есть язык музыки, язык звуков. И он имеет громадное значение, несомненно, для передачи традиций. Я хотел бы сказать о значении нашей духовной музыки, прежней. Ведь раньше устраивались ее концерты. Все мы знаем, что наши крупнейшие композиторы все черпали из этой сокровищницы, создавая свои произведения. И, надо сказать, что ведь на почве русской — эта пришедшая вместе с христианством из Византии музыка — она подверглась влиянию нашему и она приобрела национальный характер, и теперь, кто знает армянское или, скажем, греческое пение, тот уж, конечно, поймет, что наше совершенно отлично.

И вот мне кажется, что мы если слушаем и баховскую музыку, католическую музыку, духовную, мы могли бы свои концерты послушать, послушать так же, как мы смотрим или куда-нибудь в музей ездим, в города, видим памятники церковного зодчества, отчего нам не услышать в концертном зале фрагменты, скажем, литургии Чайковского или рахманиновской «Вечерни»?

Если у нас, скажем, есть «Плач Богородицы», а мы слушаем... <*Пропуск в стенограмме.*>

Солоухин: Пластинки с духовной музыкой, католической продаются на Арбате...

(*Переговоры.*)

Вахтин: Я вот сколько говорю... (*неразборчиво*) употребляют слова русские. Мне кажется, что это требует какой-то оговорки. Правда, я боюсь, что мы можем быть не совсем правильно понятыми.

Лихачев: Да, видите ли, дело вот в чем. Мы здесь говорим не только о русском языке, мы говорим о любви к русскому языку. И вот как я мог бы обобщить, сказал бы так: что любовь к русскому языку связана с любовью к нашей стране, к нашим городам, к се-

лам, к ее пейзажам, с ее природой связана. Так что любовь к русскому языку, она неотделима от нашего патриотизма.

Но что мне хотелось бы отметить особенно. Что патриотизм, настоящий патриотизм — это нечто прямо противоположное шовинизму. И вот именно об этом надо напоминать, потому что иногда путают эти два понятия — патриотизм и шовинизм, потому что патриотизм основан на любви к своей стране, а шовинизм основан на ненависти к другим народам. И из ненависти к другим народам никогда не получится любовь к своей стране, особенно к такой, как русская страна, как советская страна, которая многонациональна по своей природе. И русская культура с ее русским языком — это культура очень многих народов, которые...

(Переговоры.)

Это отчасти обнаружилось сегодня, особенно в выступлении Льва Васильевича. В русскую культуру вложили какую-то свою долю участия и греки, и финны, и болгары, и татары, и народы западноевропейские, скандинавские, французы, англичане, и, главным образом, конечно, те народы, которые живут в пределах Российской Федерации, в пределах нашей Родины. И в частности, с конца XIX века большую долю в сложение русской культуры вложили евреи — и писатели, и художники, Левитан и так далее...

Таким образом, русская культура — это культура, которая, в сущности, не может быть определена ни расово, ни паспортно, а она является культурой многонациональной в соответствии с духом русской культуры, о которой, кстати сказать, так хорошо говорил Достоевский, вот здесь вспоминалась эта его речь на пушкинских торжествах.

Вахтин: Совершенно верно. Тут говорилось, что с языком, с словесной речью шутить нельзя, потому что словесная речь целого века — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом. И вот я под занавес хочу сказать, что эта комиссия, которая хочет реформировать русский язык... <Пропуск в стенограмме.>

Вахтин: На этом, по-видимому, мы можем закончить нашу беседу. Во всяком случае, давайте будем еще не раз возвращаться к этой теме.

(Переговоры.)

Солоухин: Не знаю, как зрителям, но мы очень интересно поговорили.

Вахтин: Благодарю.

(Конец передачи.)

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР 7.1.66 г.¹ [Обсуждение передачи «Литературный вторник» участниками заседания]

Тов. Фирсов: Первоначально замысел очередного «Литературного вторника», с которым Ленинградское телевидение ежемесячно выходит на 1-ю программу, сводился к тому, чтобы поднять вопрос о сохранении памятников старины. Эта тема была отвергнута, а затем было решено поднять проблемы, связанные в основном с чистотой и культурой русского языка.

Редакция литературно-драматических передач Ленинградского телевидения, опираясь на Союз писателей, в частности на Вахтина, до этого участвовавшего в подготовке и проведении десятка передач, вошла в контакты с официальным литературоведением. Была договоренность, что в этой передаче примет участие Лихачев. Затем были подобраны другие участники передачи: Успенский, Солоухин, кандидат наук Ив́анов, научный сотрудник музея Пушкинского Дома Емельянов, а также московский критик, заведующий отделом журнала «Дружба народов» Бушин.

Сейчас можно говорить о печальных результатах, которые имели место после этой передачи. Но первоначально представленные ими [участниками передачи] тезисы резко отличались от того, что было представлено на самом деле. Передаче предшествовала поездка двух редакторов в Москву.

Анализируя этот случай и пытаясь разобраться в серьезном идейном промахе и ошибке, следует разделить вопрос на несколько ко частей.

Переая. Степень вины работников Ленинградского телевидения. Поскольку они приглашали людей, они и должны нести ответственность. Я думаю, что при подготовке этой передачи оказались нарушенными многие из основных принципов, которые должны были сопровождать подготовку такой передачи. Я думаю, что наша редакция не провела достаточно тщательно подбор авторов. Здесь следовало бы изучить мировоззрение этих людей по ряду вопросов. В основном этим можно объяснить появление в передаче Бушина.

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 1, д. 866, л. 55—83.